

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Еленой Ростиславовной Ярской-Смирновой
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Москва, Россия

Дата: 15 мая 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Елена Ярская-Смирнова имеет степень магистра в сфере социальной работы, докторскую степень в социологии, профессор кафедры социологии в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). Также, главный редактор «Журнала исследований социальной политики» и ведущий научный сотрудник в Институте социальной политики в том же университете. Ранее возглавляла кафедру социологии, социальной антропологии и социальной работы в Саратовском государственном техническом университете и была консультантом и *со-учредителем неправительственной научно-исследовательской организации Центр социальной политики и гендерных исследований*. Ее профессиональные интересы охватывают социальную политику, социологию профессий, гендера и инвалидности, семьи и детей; методы качественного анализа. Курсы по социологии общественной сферы, визуальной антропологии, методам качественного анализа, гендерным исследованиям, социальной работе. Основные публикации на русском включают «Социокультурный анализ нетипичности» (Саратов, 1997), «Социальное гражданство инвалидов в России» (с Павлом Романовым, Саратов, 2005), а на английском «Гендер и класс в российской политике социального обеспечения: советское наследие и современные проблемы» (Goteborg University, 2011), «Инвалидность в восточной Европе и в бывшем Советском Союзе: История, политика и повседневная жизнь» (в соавторстве с Майклом Раселлом, Routledge, 2014), журнальные статьи и главы книг, в частности, «Воспитание детей-инвалидов в России: учреждения, дискуссии и личности» (2015), «Социальная работа в постсоциалистических странах» (2013), «Влияние социальных работников на социальную политику России» (2013), «Деятельный класс в дискуссиях о социальном обеспечении: “неблагополучные семьи” в России» (2012), «Матери-одиночки — клиенты или граждане? Социальная работа с малообеспеченными семьями в России» (2012), «Девушка, которая любила танцевать: жизненный опыт российских женщин с нарушениями функций двигательного аппарата» (2011), «Визуальные источники преподавания истории

и гендерных вопросов в социальной работе» (2009), «Учет гендерных аспектов в социальной работе в России: на пути к антидискриминационной практике» (2008), «Гендерный аспект в российских учебниках по социальной политике и социальной работе» 1997-2004 (2008), "Перспективы инклюзивного образования в России» (2007), «Зарплата тут большого значения не имеет... » Профессионализация социальной работы в современной России (2002), «Не знаю, что ждет в будущем... » Материнская забота о детях-инвалидах в России и политика отторжения» (1999).

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работы, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Н.Л.: Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова, доктор социологических наук, **PhD**, ординарный профессор Высшей школы экономики Кафедры общей социологии Департамента социологии Факультета социальных наук, главный редактор журнала «Исследования социальной политики», главный научный сотрудник Института социальной политики. Добрый день, Елена Ростиславовна. Поделитесь историей своей жизни, как Вы представляете свою собственную жизнь, ту точку, в которой Вы сейчас находитесь в ней, как оцениваете тот пройденный путь, который уже Вы прошли, и как оцениваете свою профессию, свое профессиональное становление, т.е. как выглядит Ваша карьера с точки зрения вложенных усилий и результатов к настоящему моменту. Т.е. много ли еще нужно достигнуть и какие тогда задачи перед Вами стоят? Расскажите коротко о себе.

Е.Р.: Ну, я... Даже не знаю с чего начать. Сейчас такой этап у меня, когда многое пересматриваешь в жизни и что-то ищешь, какие-то новые смыслы, но и продолжаешь заниматься тем, чем занимался раньше. Может быть, я перейду на какой-то другой уровень, не знаю. Могу сказать, что сейчас стремлюсь к каким-то новым темам и каким-то новым открытиям. Я провожу исследование, какмогу, и нахожусь, можно сказать, в каком-то начале сейчас я.

Н.Л.: А с чего начинался Ваш профессиональный путь?

Е.Р.: Профессиональный путь. Наташ, ты прости, ты будешь монтировать?

Н.Л.: Буду.

Е.Р.: Как я и говорила, мне сложно говорить о каких-то перспектах, перспективах. Мой профессиональный путь начинался, наверное, с университета. Вот я окончила мехмат, механико-математический факультет.

Н.Л.: В Москве.

Е.Р.: Нет, в Саратове. Саратовского государственного университета в 1984 г. Вот и... что... Пока я училась, я увлекалась фольклором. И ходила в фольклорный ансамбль и даже какой-то свой фольклорный ансамбль затеяла. Все мне хотелось идти наперекор сложившимся традициям. Ну, в математике я не достигла особых

высот, хотя я закончила с красным дипломом мехмат. Думаю, мне помогло то, что я училась в математической школе.

И первые пару курсов можно было баклуши бить. Как, наверное, многие согласятся со мной выпускники математических школ. Ну, а затем закончила и получила этот диплом, получила профессию математика, и даже проработала некоторое время в вычислительном центре одного из научных институтов Саратова. Но вот эта вот профессия меня тогда совсем не привлекала. Я как-то не видела в ней смысла, потому что меня полностью увлек фольклор. И даже не просто фольклор, а занятия культурной антропологией, фольклористикой, этнографией, мы ездили в экспедиции, я познакомилась с московскими коллегами, профессионалами в этой сфере. И Верой Медведева – она сейчас Никитина, известнейший этномузыковед, массу издала пластинок еще тогда, сейчас на CD-дисках выпускает свои коллекции. Великолепно знающая фольклор и знающая лично очень многих народных исполнителей, она вела с ними переписку. Вот мы с ней дружили и ездили в экспедиции, и я потом в Саратове такое вот тоже начала движение к этнографичности фольклорных ансамблей. Ну и многие мои такие сподвижники потом свои ансамбли создали, вот меня как-то это больше всего увлекало, я писала статьи в газеты, просветительской деятельностью занималась.

Н.Л.: Это конец 80-х.

Е.Р.: Это скорее середина 80-х, и да, и после университета мы тоже продолжали этим заниматься. Я была в аспирантуре.

В аспирантуру я поступила на философскую специальность, у меня мама философ. И она меня как-то вот сподвигла, вдохновила. Моя мама любит рассказывать такой детский анекдот, ее воспоминание из моего детства, что я еще совсем маленькая, вот только научилась там буквы различать, играю среди большого количества книг, журналов, которые везде там находились у нас в квартире, – мама писала диссертацию докторскую в это время. И я спросила (глядя на журнал): «Хм, «Вопросы философии». А где же ответы?» ☺

В поисках одного из таких ответов я и пошла, наверное, в аспирантуру. Но тут опять как-то получилось не совсем так, как хотел мой научный руководитель. У меня был Сергей Федорович Мартынович, профессор, он мне дал интереснейшую с моей сегодняшней позиции тему, «Понятие научного факта». Тема вообще гениальная, я бы, конечно, сейчас с удовольствием ею занялась. Но тогда я совершенно не интересовалась этим и не представляла, что за этим вообще может стоять, какой смысл. И вот так вот, исходя из этого, с одной стороны, внутреннего сопротивления, с другой стороны – из имеющегося у меня очень фундаментального интереса к фольклору, я написала диссертацию «Философский анализ народной культуры» вместо «Философского анализа научного факта». Ну, Сергей Федорович все равно был моим научным руководителем, он оказал мне помощь большую, консультировал, но в основном меня консультировала моя мама, как вот специалист по... Она вообще многими аспирантами тогда уже руководила и была известным философом. И вот с этой

диссертацией про фольклор, с дипломом по математике я в общем оказалась в Социологическом центре Политехнического института. Еще третий...

Н.Л.: В Саратове?

Е.Р.: Да, в Саратове. Еще третий вариант, так сказать. И не фольклор, и не философия, и не математика, а вот что-то еще четвертое. Ну, благо, здесь уже это было в конце восьмидесятых, в 89 г. я защитила диссертацию кандидатскую по философии, и в 90-м, по-моему, или в 91-м в Москве был такой... была такая Высшая комсомольская школа и затем ее переименовали в Институт молодежи. И вот там была такая... фамилия Наталушко, а имя я, к сожалению, забыла. Так вот она организовала тут, как бы объединившись с элитой социологии, социальной философии, и с зарубежными коллегами, с англичанами в основном, она организовала такие Высшие социологические курсы. Они шли шесть или девять месяцев, я помню, что это был, по-моему, 91 или 90 год, и вот я была не то в первом, не то во втором наборе этих курсов.

Все светила нам читали лекции, Ядов...¹ Я прошу прощение. Я выключу телефон.

После перерыва

Н.Л.: То ли первый, то ли второй набор.

Е.Р.: Да, на высшие социологические курсы. И, конечно, для меня это был переворот всей жизни, и я вот эту вот социологию полюбила, может быть, так же, как фольклор, благодаря этим курсам, благодаря знакомству с мэтрами советской и ранней российской социологии и благодаря знакомству с энтузиастами, которые вместе со мной там учились. Это были люди вот, примерно мои ровесники, тоже переучивались с каких-то других специальностей, профессий, они работали уже, у многих была практика социологическая.

Собственно, и я работала в социологическом центре. Тогда были такие Всесоюзные сначала, а потом Всероссийские программы изучения общественного мнения, была программа «Народы России», нужно было изучать немцев Поволжья – то есть очень много было интересных тем. И мы занимались количественными методами, конечно, в основном тогда. Ну, в это время как раз готовилось открытие специальности «Социальная работа». Тут моя мама тоже сыграла большую роль, Валентина Николаевна Ярская. Она входила в рабочую группу при Министерстве труда и, по-моему, раньше называлось Министерство соцобеспечения или как-то вот так – вот сейчас не помню уже. Они вместе со шведами разрабатывали первый учебный план и договорились, что в нескольких вузах, в четырех вузах тогда России начнется вот преподавание социальной работы.

И я потихоньку стала там тоже преподавать, потому что я уже знала немного социологию, я понимала что-то в культурной антропологии, в философии, и я там преподавала культурологию. Потом я преподавала какие-то социологические

---

¹ Составитель транскрипта добавляет в список перечисленных людей: Фетисов, Заславская, Левада.

дисциплины, и в довершение всего я поехала учиться в Швецию, была такая тоже программа, она финансировалась...

Н.Л.: В какие это годы?

Е.Р.: Это был 92 г. Программа финансировалась... это обучение финансировалось Шведским Институтом. Они отобрали четырех человек, который имели отношение в России к образованию в области социальной работы, и была такая надежда, что они потом вернутся после этого годичного курса и будут там нести свет в массы. Надо сказать, что, когда я окончила университет еще в 84 г. и в 85 г. поступила в аспирантуру, - по-моему, я поступила сразу в 84, в 85 у меня родился сын Слава, поэтому аспирантура несколько затянулась.

Но зато у меня ребенок рос, развивался и тоже изучал фольклор, с самого рождения, потому что мы постоянно репетировали дома, к нам даже соседи приходили, спрашивали, что у вас тут за стуки, песни и звуки. Ну вот, сейчас мы вспоминаем. Это, конечно, забавно очень. Мы все эти костюмы, ездили, эти наряды изучали, приобретали в деревнях, с детьми многие из нас были, выходили на улицы, пели. Слава и до сих пор активно занимается фольклором, он тоже антрополог. А вот. Ну вот, мне, к сожалению, пришлось на год его оставить. Бабушка и дедушка с ним занимались, жил он и вскоре он пошел... Да, да? Да?

После перерыва

Славе уже – он в 85 родился – значит, ему уже семь, он уже ходит в школу, и они ко мне приезжают туда в Швецию несколько раз с бабушкой, с дедушкой, очень все это здорово.

И для меня открывается новый мир, еще один мир вот этого западного образования, социального, гуманитарного, качественные методы, потому что шведы, в Гетеборге, обязательно феноменология, это качественные методы, это социальная работа именно такая, профессиональная, теоретическая, это взгляд снизу вверх и сверху вниз, это социальное конструирование реальности, это там люди, которые лично учились у Гарфинкеля, то есть, это вообще, то есть это совершенно мир, который я когда-то могла = только в переводах что-то такое читать.

И там я уже читаю все в подлиннике, я осваиваю английский. Надо сказать, что я всегда только немецкий учила, но потом вот на английский пришлось переходить благодаря интенсивным курсам, было такое движение в начале девяностых. Интенсивные курсы все осваивали. И английский, и французский, и немецкий. Вот я благодаря им немного въехала в английский, а уж в Швеции мне пришлось туда погрузиться основательно, и шведский выучить, и английский, и вот там я, собственно, и занялась проблематикой семьи – и позже, на год позже; я еще ездила туда на стажировку – проблематикой инвалидности.

То есть мой заход в проблематику гендерных исследований шел вот через вот эту вот социальную политику, социальную работу, социальные проблемы, инвалидность, семью. Ну, и семейную политику. Причем в сравнительном

аспекте. Это сразу получилось так, что у меня магистерская диссертация шведская была про сравнение шведской и российской семейной политики. Я основывалась на...

Н.Л.: В какие годы это было?

Е.Р.: Это был 92 г., 93 г.

Н.Л.: И эти годы охватывали все...

Е.Р.: Только актуальные годы, только актуальные и, конечно...

Н.Л.: 90-е годы.

Е.Р.: 90-е годы и причем начало девяностых. Это было только, можно сказать, такое вот, ну, на уровне магистерской диссертации, это была в общем небольшая работа, но все-таки там был и опрос – мне разрешили использовать данные опросов, которые мы проводили вот как раз в Саратовском социологическом центре, затем в Швеции же я проводила опрос семей, родителей детей-инвалидов, изучала политику инвалидности, потом в России провела исследование свое по сходной методике, у меня был сравнительный вот анализ такой, это уже в моей докторской диссертации, которую я защитила в 97 г. Но до этого, когда я уже вернулась из Швеции, я уже приехала... Вообще там... студенты, мы очень интересно общались, я им рассказывала, они, раскрыв рот, слушали. Но надо сказать, не только я одна – у нас очень многие преподаватели были интересные, потому что у всех была какая-то интересная перед этим своя какая-то специальность, ну, потому что социальной работы еще не было в России. Кто психолог, кто медик, кто психиатр, кто философ, там были у нас и социобиологи, то есть там просто интереснейшая была компания.

Н.Л.: Это были социобиологи, разделяющую гендерную концепцию?

Е.Р.: Нет, я сейчас имею в виду кафедру социальной работы. Специальность «социальная работа». Сначала там о гендере как-то мало мы знали, потому что это был девяносто – сейчас скажу какой – девяносто первый год мы начали эту специальность. Потом я поехала в Швецию, в 93 я вернулась и преподаю вот феноменологию, качественные методы, социальную работу так, как она известна в Швеции, и примерно в девяносто, наверное, четвертом году, если не ошибаюсь, или девяносто пятом, начинает Сергей Кухтерин – в девяносто четвертом году – в Институте социологии курсы повышения квалификации для преподавателей социологии.

И моими первыми курсами там были курсы по гендерным исследованиям. И вели их Ира Тартаковская и Ира Аристархова.

Так что они были моими проводниками вот в мир гендера, в гендерные исследования. Это для меня каждый раз было какое-то вот такое, знаешь, как вот окунуться в какой-то океан, вот просто попасть в какой-то с какого-то водопада свалиться - и в совершенно другой попасть мир. Но у меня все это не получалось как что-то кардинально другое, резкий поворот какой-то. А это как-то очень

хорошо, органично вплеталось в то, что я знала - вот в фольклор, культурную антропологию, философию. Математику вот как-то у меня была где-то в пассиве. Я ее, конечно, вспоминала, когда в социологическом центре работала, потому что надо было делать анкеты, обсчитывать. Извини, что я скачу. Вот.

Но все равно вот, получилось так, что гендер, он как бы очень хорошо, прочно сел на базу вот из этих качественных методов социальной работы, социологии и культурной антропологии, фольклора. И я даже какую-то работу – Ирка Тартаковская, она все время задавала домашние задания делать – я помню, я ей что-то писала про женские головные уборы вот в народной традиции, да. То есть вот, мне как-то все время хотелось задействовать вот то, что я знаю уже. И в Швеции тоже я проходила там курсы по культурной социологии и социологии культуры и тоже делала курсовую – у меня там были обязательно какие-то Питер Брейгель.² То есть меня все время интересовало вот, как в культуре. Можно в истории культуры, искусствоведении найти какие-то примеры, которые иллюстрировали бы те теории, даже современные, ну вот, объясняешь, например, социальные отношения, культурные там факты какие-то и т.д... структуры. И так вот для меня вот эта гендерная социализация моя была, вернее, осознание это гендера, произошло именно благодаря этим курсам. И я настолько...

Н.Л.: Что было самое привлекательное в этих курсах в том, что... и почему это заинтересовало, почему это задело?

Е.Р.: Не знаю. У меня как-то... Ты знаешь, у меня какой-то... У меня все «чакры» открыты были тогда, и поэтому хорошо, что я попала. Ну, я, может быть, именно туда и должна была попасть, потому что меня уже это как-то интересовало. Все-таки в Швеции я не зря в Гетеборге год проучилась, уже там семья и вопросы женских исследований, гендер уже как-то звучали. И я поэтому...

Н.Л.: И тема феминизма звучала тогда?

Е.Р.: Нет, специально не звучала, потому что у нас по социальной работе была программа, и она была адаптирована на год, сделана, и в основном это были – они ее, конечно, насытили именно качественными методами, феноменологией, но также и.... То есть у них там назывались предметы, например: «культура, семья, общество» - ну, то есть там не было такого: «социология», или там «социология семьи». А у них назывались комплексно, так междисциплинарно, эти предметы. Они действительно читались междисциплинарно. Я потом пыталась в Саратове наш учебный план тоже так адаптировать, и у нас тоже были – курсы, может, не всегда удавались, - но конференции, школы, мы пытались называть «гендер, там допустим, семья, культура», как-то так. Вот. Поэтому...

Н.Л.: Как появляется слово «гендер» и вообще термин этот? Как появляются «гендерные исследования» вот в исследованиях там инвалидности или социологии семьи и т.д. в собственных интересах?

---

² Нидерландский художник XVI века.

Е.Р.: Ну, во-первых, у Иры Тартаковской курс, по-моему, назывался «социология семьи и пола», или «социология семьи и гендера», я сейчас вот не помню точно. Но естественно, она читала... Они... Дело в том, что они же ездили в Манчестер с Саймоном Кларком на стажировки – вот именно, чтобы начитать литературу потом для преподавания. Первый раз там... Первые годы они читали, это были еще просто подстрочники для переводов. Но даже в таком вот неадаптированном виде, когда это просто вот слышишь, что это звучит английская речь – еще пока не адаптирован перевод на русский, уже это все воспринималось просто на лету, хватало – я и все остальные, кто был со мной, я надеюсь, так же, - ну, я сейчас не помню, кто там со мной учился, мы не поддерживали потом отношения, но просто я помню, что всех это потрясло и как-то пробиравало, пробиравало до костей. Потому что это знание, оно просто оказалось настолько правильным, нужным и очевидным, и каким-то очень глубоким, и комплексным. Ну и все. Наверное, у нас был дефицит вообще знаний и теорий и книг. Я помню, у меня всегда все поездки в Москву были – помнишь советский анекдот: «что это такое – зеленое, длинное и пахнет колбасой? Это поезд Москва-Саратов». Потому что из Москвы в Саратов везли колбасу. Так вот, мой поезд Москва-Саратов пах не колбасой, он был очень тяжелый, потому что я тащила на себе, в рюкзаке и в руках, книги. В сумках. Потому что только здесь, в Москве, можно было купить вот и Вебера, и Сорокина, и Дюркгейма, вот переводы начали опять издаваться, переиздаваться, новые выходить, Малиновский, Шютц – и все это мы закупали, а потом стали появляться книги по гендеру. И появлялись книги Кона,

Н.Л.: А какие первые? Какие? Может быть, западная переводная литература? С чего вообще начиналось...?

Е.Р.: Нет, это позже уже они появились. Сначала вот только то, что Тартаковская и Аристархова – две Иры – они переводили и давали нам распечатки. И все это было...

Н.Л.: Когда это было? В 90-е годы?

Е.Р.: 96 год. Никаких еще этих книг не было переведено. И до сих пор многое из того, что они тогда раздавали, я не знаю, есть ли на русском языке, хотя настолько это правильно были отобранные фрагменты, я их потом очень часто использовала и долго использовала в своих лекциях для студентов.

Н.Л.: А было ощущение, что вот эти знания, полученные именно из книг феминистских каких-то теоретиков или специалистов в области гендерной антропологии и т.д., что они как-то повлияли на профессиональный выбор, на какие-то темы, которые были взяты, на какие-то сюжеты, на те темы, которые давались в дальнейшем нашим аспирантам и т.д., чтобы они разрабатывали тогда эти сюжеты?

Е.Р.: Да, конечно. Во-первых, у меня одна из первых аспиранток защищалась именно по гендеру. Ну, в общем, самая первая была Надя Шапкина, она защищалась по инвалидности, но потом вот появлялись и Таня Греченкова, и – сейчас я вспомню – Марина Ищенко, по-моему – и еще Света Усманова – сейчас я

забыла одну девочку, она защищалась прямо по кризисным центрам женским. Она работала там. У нас еще что было интересно: у нас же кафедра социальной работы, то есть у нас все студенты проходили практику, и все они в основном были девочки.

Н.Л.: «У нас» это Вы Саратов имеете в виду?

Е.Р.: Саратов. Да. И всех их интересовала вот эта вот гендерная тематика, и семья, и дети, и неравенство, и дискриминация, и, конечно, поскольку меня интересовало не только это, но и проблема инвалидности, социальной политики – конечно, мы все это старались интегрировать, да. И поэтому у нас и темы были: «гендерные аспекты инвалидности». Я помню, на таком излете уже в Женской программе Фонда Сороса, Института «Открытое общество» Лена Кочкина там работала, и она такой вот сделала межрегиональный проект сколько-то там «Сто женских историй», что-то такое. И мы собирали истории у женщин с инвалидностью с моими коллегами. И потом писали статью, и там в какой-то книге мы поучаствовали. То есть МЦГИ, Московский центр гендерных исследований, тоже нас привлекал в какие-то исследовательские проекты, но, конечно, в основном исследовательские проекты реализовывались, безусловно, – у нас был фонд Макартуров, который нас поддержал, мы там гендерную сторону вопроса социальной политики. Мы изучали всегда социальную политику на микро- и макроуровне. И всегда у нас был гендерный аспект, обязательно. И всегда у нас была этнография, как качественные методы. Потому что все это, конечно – нужно сказать обязательно, что в 96 г. параллельно курсам по гендеру – а я такая была вот, значит, любила много, так сказать, сразу всего поучать, и я сразу на два курса записалась. А тогда у Сережи Кухтерина были там возможности такие, что он сразу несколько одновременно потоков мог принять. И там еще шел по социологии менеджмента, который вел Паша Романов. Вот с тех пор наше знакомство состоялось, и потом мы уже не расставались. Ну расставались, конечно, потому что мы жили еще долго в разных городах, но именно вот я помню первые фотографии у ксерокса – это вот как раз наши воспоминания, что, значит, мы там все время ксерили. Это был наш образ жизни: мы сидели на этих лекциях, открыв рот, записывали, потом ксерили эту литературу, и вот я, значит, там, у ксерокса, с чашкой чая, и Паша меня, он всех фотографировал, и потом эта фотография была у нас как точка отсчета наших, значит, наших отношений, знакомства и отношений. Он говорит, «я помню эту фотографию у ксерокса». А вот. И потом мы ездили в Англию на стажировку вместе, и там мы сдружились, сблизились, там мы познакомились с их британскими вот коллегами, с Саймоном, и я как-то вошла в вот этот коллектив, этот коллектив был – где Паша работал – не только преподавательским для курсов этого повышения квалификации, но это были исследователи и, прежде всего, это было ценно тем, что все эти – и Ира, и Паша, и Ира Аристархова – они не просто преподавали, они были, прежде всего, исследователями-социологами. Поэтому все, что они вычитывали из иностранных книг – и они, конечно, были эрудированы и знакомы с отечественной литературой – они все это потом могли, так сказать, опрокинуть и применить в своих исследованиях – что, собственно,

они нам и показывали на примерах, и всегда эти примеры были связаны с Россией, а не только с Англией, конечно же.

Н.Л.: А вот эти качественные методы – кто им обучал? И как бы в самой работе, вероятно, происходило обучение – я имею в виду этнографический подход и, собственно, включенные наблюдения, записи каких-то неожиданных там междометий во время разговора и, собственно, феминистские и женские подходы к описанию интервью, которое несколько иное, чем описывается обычно это или излагается в учебниках социологии. Кроме того, кто это объяснял впервые и кто к этому как бы привел?

Е.Р.: Ну, во-первых, у меня был опыт этнографических экспедиций. И мы все записывали. Мы записывали. Конечно, нас тогда, прежде всего, интересовали песни. Песенный музыкальный фольклор. Ну нас интересовала также обрядность и повседневность, но тогда это еще было в меньшей степени. Это потом я поняла, как многое я потеряла, когда я ездила в экспедиции только за музыкой, за песнями, за пониманием каких-то традиций, которые сейчас только из сундука порой достаются, ну, на праздниках. Ну конечно, живет. Фольклор живет, понятно. Но нас интересовало то, что лежит в сундуке, то, что было когда-то, то, что какие наряды были. Ну вот. Но, тем не менее, вот этот опыт записи на катушечный сначала, на эти бобины так называемые – помнишь, были бобины – еще я помню, наши мэтры, этого фольклорного движения, музыковеды известные, Андрей Кабанов, например – многие из них были близки и даже участвовали в ансамбле Покровского, в Ансамбле народной музыки Дмитрия Покровского. А потом как бы от него вот исходили разные как бы такие вот гуру, можно сказать, который вот даже... Андрей Кабанов фольклорное движение начал, чтобы это в массы все шло. И молодежь заинтересовалась. Но ансамбль Дмитрия Покровского для многих был как раз вот открытием себя, открытием этой музыки, открытием этой новой какой-то возможности. Вот. И вот мы там, например, учились многоканальную запись делать, то есть когда сразу много микрофонов и сразу много дорожек, и получается, что можно каждого исполнителя отдельно слушать. Конечно, мы тогда обращали внимание не только на междометия, на всевозможные диалекты. У нас это называлось «расшифровка песни». Нам необходимо было расшифровывать, но мы не ноты расшифровывали, а слова, потому что они необыкновенным образом распевались. Мы ездили и на север и на юг. И в Белгород, и к некрасовцам, к казакам. То есть мы ездили в места, где люди говорят фактически немного на разных, на своих языках, с разными какими-то смыслами, и, конечно, их жизнь мы, может быть, мало изучали, к сожалению, но, тем не менее, опыт вот этот был у нас, и поэтому внимание к мелким деталям, к нюансам, к контексту, к контекстам жизни именно этих отдельных людей – женщин, мужчин, детей, инвалидов, неинвалидов – это было уже таким, ну, как бы на этой основе это стояло у меня.

Н.Л.: На собственную жизнь это влияло?

Е.Р.: На собственную жизнь...

Н.Л.: Вообще была ли возможность и ощущение, что хочется сравнить то, что люди рассказывают, со своей собственной жизнью, сопоставить это? То есть это то, чего в обычных учебниках социологии не бывает, но это всегда вот во всех феминистских, условно назовем, учебниках, которые, так сказать, чувствительны к гендерной теории. То есть тема «моя жизнь» и «личное - есть политическое»? «Моя жизнь» и «жизнь респондентов, с которыми Вы разговариваете». Поэтому здесь интересно как влияло знакомство с феминистской теорией, с женскими исследованиями – пусть даже они краем проходили и не были центральным в исследовании – как они влияли на собственную и профессиональную жизнь, дальнейшую жизнь и профессиональную?

Е.Р.: Ну, конечно, все это... все эти вот мои поездки на эти курсы, вот это образование... Надо сказать, что мы еще с коллегами на кафедре социальной работы в Саратове, мы получили несколько грантов от Евросоюза и ездили мы в Европу. И еще я стажировалась в Америке. То есть у меня очень много западного образования, и все это у меня, так сказать, пропитывало мое сознание, конечно, ценностная система формировалась вот именно вот в зрелом возрасте, можно сказать, в тридцатилетнем, когда я вот была согласна с этими ценностями, потому что у меня были такие замечательные друзья, примеры, и среди преподавателей, и среди моих коллег зарубежных, и здесь мой круг состоял из вот таких людей. Помнишь, наша гендерная школа, под Самарой? Когда мы встретились, и каждый из нас какую-то лекцию прочитал? Хотя мы вроде были еще и ученики, и одновременно преподаватели, и студенты, но примерно все были одного возраста. И все было очень демократично. Я помню, тогда было как-то так они придумали, что еще и с детьми можно приезжать, то есть все очень так, по-феминистски было сделано. И познакомились и с Сережей Ушакиным и, конечно, Игорь Семенович там всегда участвовал. Ну, даже если он не присутствовал лично, он всегда присутствовал, так сказать, в нашем воображении, потому что это был один из наших столпов. И в Форос мы ездили, на эту гендерную школу, к Ире и Сергею Жеребкиным, преподавать, и участвовать в круглых столах. Конечно, все это не могло не повлиять на ценностную систему. Ну, я не знаю, что там с образом жизни, но просто я не могу вот отделить и сказать: вот если бы не было гендера, я бы жила по-другому. У меня обычная жизнь академика, наверное, я много работаю в науке, очень много помогаю молодежи, аспирантам, для меня вот это «личное есть политическое» имело очень простую, так сказать, реализацию. Потому что мы – кафедра социальной работы, мы с Павлом создали Центр социальной политики и гендерных исследований, мы его создали еще в 96 г., у нас было это как виртуальное такое сообщество, потому что сразу после курсов Лены... то есть Иры и Иры мы в общем... ну, как-то для меня... просто сама написала заявку – я не помню сейчас – в какой-то один из фондов, и они давали грант на поддержку сетевой активности. И вот тогда мы уже... я уже назвала *Центр гендерных исследований*, и мне дали этот грант, и я списывалась с другими коллегами в

других городах, и мы проводили уже какие-то мероприятия, что-то издавали, вот мы начали с активности...³

Н.Л.: Сколько просуществовала эта организация?

Е.Р.: Вот в 2003 г. уже мы сделали это юридическим лицом, потому что сначала нам было достаточно, что у нас есть Центр гендерных исследований просто потому что это временный творческий коллектив, мы так и договорились и так себя видим и делаем много хороших, важных и интересных дел. А в 2003 г. Галя Рахманова на это повлияла, она работала в Фонде Форда. И она сказала, что вот есть возможность поддержать журнал, а центр нельзя. Мы искали поддержку для центра. А вот журнал да, а журнал мы уже планировали создавать в Саратове. Мы планировали создавать этот журнал. И у нас был МИОН, вот этот меж... Институт общественных наук, который тогда Мирзеханов возглавлял, Велихан, и мы там с Димой Михелем и Мирзеханом думали – с Велиханом – мы думали, что мы сможем вот этот вот Журнал запустить, исследований социальной политики. Но в МИОНе средств не нашлось, как-то не получилось тогда, и мы стали уже прицельно искать эти средства, и вот с Галей Рахмановой говорили. Она говорит: «Попробуйте подать заявку на журнал». И тогда мы организовали юридическое лицо, только назвали мы уже не Центр гендерных исследований, а Центр социальной политики и гендерных исследований. В 2003 г. мы и журнал, и центр сделали официально, и первый у нас год мы за свой счет издавали журнал, просто с Пашей платили со своей зарплаты, с каких-то проектов, а потом получили грант от Фонда Форда.

Н.Л.: Вначале какой статус имела организация? Это некоммерческое партнерство, некоммерческая...?

Е.Р.: Сначала называлась «некоммерческая организация». Через несколько лет была какая-то там юридическая другая форма немножко, «автономная» называлась, «автономная некоммерческая организация». И как раз благодаря тому, что у нас это кафедра, центр, да там собственно и до организации юридического лица, мы собственно взаимодействовали с практикой. С министерствами, журналистами, практиками социальной работы, и у нас были такие краткие курсы для журналистов по гендеру, и по нондискриминационному там письму, и с социальными работниками тоже у нас обязательно были гендер и семья, то есть мы, вот эту политическую позицию мы могли высказывать и студентам, я имею в виду политическую позицию – ты меня понимаешь – вот в отношении именно гендера. В отношении социальных проблем. Вот это – «личное есть политическое».

Должны ли мы сделать паузу и спросить, как там дети?

---

³ Составитель транскрипта здесь добавляет следующее: «А потом мы с Павлом стали заниматься социальной политикой, и Центр получил новое название – Центр социальной политики и гендерных исследований».

После перерыва.

Е.Р.: Вернемся к теме. То есть я имею в виду вот это социальная политика, поскольку у нас кафедра была частью университета, а Центр – это была некоммерческая организация, но мы очень интегрировано работали, конечно. У нас члены кафедры, да и очень много было сетевых таких партнерств, из Казани, из Самары, из Санкт-Петербурга, мы постоянно проводили летние школы, семинары, курсы, и с Сережей Кухтериним сотрудничать продолжали, он у нас, так сказать, сделал выездные курсы. Вот мы, конечно, постоянно затрагивали эту проблематику – социальной политики, и вот эти ценностные ориентиры, и наша личная позиция – конечно, все это воплощалось в просвещении, прежде всего, реализовывалось. Что касается личной жизни, ну, Паша всегда говорил: «Я феминист». Да. Он еще всегда, когда слышал какие-то расистские, антисемитистские высказывания, всегда говорил: «Я еврей». Да. То есть он всегда вот стоял, так сказать, на страже каких-то нондискриминационных таких убеждений, да, и у нас всегда толерантность была и в семье, и на кафедре. Это наше кредо в общем – я не знаю – у нас какой-то такой был очень либеральный такой коллектив и позиция.

Н.Л.: Это все происходит в Саратове?

Е.Р.: Это все в девяностые годы, а в начале двухтысячных. Ну вот где-то с 2003 г. нам с Пашей вечно чего-то не хватало в Саратове, нам казалось, что недостаточно наша растет смена, нам надо каких-то больше студентов толковых, талантливых. У нас как-то все время такая идея была, что в Москве будет лучше. И мы... Тут Вика Шмидт, она работала у Шанина, возглавляла факультет социального менеджмента и социальной работы, - она нас туда позвала преподавать. Для нас это, конечно, было «Вау», потому Шанинка - это была очень престижное место, и Батыгин был его руководителем по кандидатской диссертации, Паша защитил кандидатскую в 98 г. по этнографическому методу. И он сам вот – я не помню, он учился, он по-моему не учился в Шанинке, но он очень часто там бывал, слушал курсы, лекции, я тоже как-то вот всегда мечтала в Шанинке учиться, а тут вдруг нас преподавать зовут. Правда, не на социологию, а на социальную работу, но все равно курсы-то социологические были, потому что мы преподавали социальную политику, социальный менеджмент, социальные проекты. Как раз нам это нравилось, то есть не чистая социология, не только теория, а именно вот связанное с практикой, связанное с социальной политикой. И мы вот вахтовым методом работали, пришлось ездить сюда месяц, потом уехать назад, мы в Саратове тоже сделали вот модульную систему обучения. Это собственно еще после Швеции, после моего возвращения из Швеции я вот это вот ввела, и на это пошло руководство – несмотря на то, что это было очень неудобно для преподавателей физкультуры и иностранного языка и других кафедр, да? Но, тем не менее, у нас была модульная система. У нас курсы заканчивались, как четверть в школе. Шли вот так вот. Ну и так вот мы приспособились ездить, преподавать в Шанинке, и, конечно, мы продолжали наши гендерные исследования. У нас и Центр такой, и хорошо была, так сказать, и коллеги и с кризисным центром есть, и в TEMPUS'e всегда мы, в евросоюзовских программах, так сказать, продвигали...

Н.Л.: Как раз это важный сюжет – о взаимоотношениях с другими женскими или же исследовательскими, где исследования гендерных отношений, за рубежом. Отношения с организациями за рубежом. Насколько они были тесны, в какой мере они поддерживали вас, может быть, идеями, или же можно было гранты какие-то получить, общие проекты проводить в жизнь?

Е.Р.: Ну, гранты мы получали от таких фондов, которые в России имели свои офисы.

Н.Л.: Такие как Макартуров.

Е.Р.: Макартуров, Форд, Сорос. Конечно, у нас было несколько грантов от Института «Открытое общество», которые именно были посвящены гендеру. Это была, значит, летняя школа, это был исследовательский грант, а потом вот уже мы с Еленой Кочкиной были в ее проекте «Женские истории» и, конечно, в программе TEMPUS. Нужно было развивать – евросоюзовской – образование по социальной работе. Там у нас гендерные исследования были курсов, одним из наших центровых курсов. Хотя в госстандарте не сразу этот курс появился, но тем не менее. Кстати, программа по соцработе – это одна из немногих программ, где курс – правда, он называется «гендерология», но все равно он есть. Он есть. Хотя, к сожалению, вот он так называется. И не всегда учебники там хорошие, к сожалению, есть слабые очень тексты, которые тиражируются большими количествами. Мы вот рецензировали такие издания и сами делали. Кстати, еще был вот проект, по-моему, тоже при поддержке института «Открытое общество», если не ошибаюсь, его возглавляла, если тоже я не вру, Хасбулатова, и она продвигала вот эти вот несколько таких учебных пособий, которые вышли в РОССПЭНе. И там была гендерная социология, и гендерная политология, и гендерное там что-то еще. А у нас была «Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты». И у нас там был коллектив, куда вошли даже коллеги из кризисного центра «Анна», вот это Московского самого первого, самого известного. Синельников. Они написали раздел по насилию против женщин... ну вот насилию в отношении женщин. Ну и у нас получился в основном коллектив в основном саратовский, но были вот и несколько москвичей. Вот это учебное пособие очень, мне кажется, неплохое получилось, актуальное на тот момент. Потом, к сожалению, не переиздавалось, ну, потому что гранты – одноразовые, так сказать.

Н.Л.: Каким было отношение к женскому движению, если оно вообще существовало в то время? Потому что все-таки считается сначала 1990-х годов появляется независимое женское движение. Потому что было два все-таки съезда в Дубне, которые объединили те организации, которые были созданы на временно пустующем поле после практически бездействия... на фоне бездействия Комитета советских женщин, который перестал существовать. Значит, возникало это вот женское движение или с Вашей точки зрения его и не видно было? И были ли какие-нибудь отношения хоть с какими-то женскими организациями кроме центров по борьбе с насилием? Они и сейчас вышли при нынешних обстоятельствах, именно кризисные

центры. А вот исследовательские центры... Вот меня в данном случае интересует Ваш исследовательский центр и, конечно, женские организации и, может быть, в Саратове, может быть, в Москве – были ли эти отношения или они не сложились?

Е.Р.: Ну, скорее всего, для меня женское движение в России ассоциируется с исследовательским корпусом. Аня Темкина, Лена Здравомыслова – тоже вот это люди, друзья, коллеги, с которыми мы еще с девяностых годов знакомы, и участвовали во всяких программах образовательных, они к нам приезжали, мы к ним. Наташа Пушкарева, ты сама всегда была в нашем, так сказать, авангарде, и мы участвовали у тебя, ты участвовала у нас, мы вместе куда-то ездили, где-то выступали и глаголом жгли сердца людей.

Н.Л.: А обычный женский активизм?

Е.Р.: А обычный женский активизм, в Саратове его было немного. И мы с ними почти не пересекались, кроме кризисного центра для женщин, который возглавляла Ира Халдеева, замечательный человек и специалист, и она постоянно получала проекты, гранты, развивала свой центр, и она очень стратегически мыслила, и она даже, кстати, возглавляла Ассоциацию женских кризисных центров одно время - я не знаю, сейчас она возглавляет или нет. Она была президентом. Она построила отношения с государственными вот этими центрами помощи женщинам, семье и детям. Они же даже называются «помощи женщинам, семье и детям». То есть это не женские организации, это не женское движение, это государственная система помощи женщинам, но в связке с семьей и детьми. Мы понимаем, что это идеология такая, именно фамилистская, но, тем не менее, вот Ирина, конечно, с ее абсолютно феминистской идеологией и с либеральным отношением к проблемам женщин, с такой даже очень четкой, так сказать, позицией феминизма радикального где-то – но все-таки она могла найти возможности и логику взаимодействия с государственным центром, потому что у государственных центров, конечно, у муниципальных, было больше ресурсов, например, в плане общежития, временной гостиницы для женщин, пострадавших от насилия, которые, да, с детьми могли, так сказать, какое-то время там жить. Вот это мы все тоже изучали, сотрудничали с ними, участвовали в разных таких образовательных программах. Были у нас также в Саратове и такие домовые комитеты женские, но в малом количестве и мы с ними как-то особенно не взаимодействовали. Я просто знаю, что они участвовали в каких-то вот таких съездах, в каких-то еще программах где-то звучали они, но мы с ними не пересекались. У нас женщины...

Н.Л.: А в Москве?

Е.Р.: В Москве тоже нет. Женщины возглавляли немногочисленные организации общественные, сервисные, не только исследовательские. Например, Еврейский центр, например, Центр поддержки НКО, у нас все это возглавляли женщины. В этом смысле женское движение, но не только и не столько за права женщин, сколько за права или как ресурс для каких-то вот, так сказать, важных, но недостаточно сильных групп или каких-то сегментов общества. Типа третьего

сектора, например. Вот. И я, к сожалению, не участвовала в этих съездах женских, но я...

Н.Л.: Имеется в виду, что они проводились...

Е.Р.: Проводился, знаю, проводился. Я читала, и Гапову, и Воронину читала, знаю, что там раздавали всем фартуки в качестве раздаточного материала, вот, и что там было все как-то очень профамилитски, консервативно,

Н.Л.: Пронаталистки.

Е.Р.: Пронаталистски, да. Ну, тут вот пронатализм, конечно, ну, тоже вот знакомые были всегда вот Петерская Жанна там, ну, Лена, конечно, Здравомыслова, Аня Темкина. Жанна Чернова, Лариса Шпаковская. Вот наше уже следующее поколение – это Жанна и Лариса, и тоже наши друзья и коллеги и всегдашние участники наших всех мероприятий, и курсов, и всяких летних школ. А наш Центр просуществовал до 2014 г., мы его закрыли, потому что пошла волна вот против иностранных агентов и, поскольку мы так много получали западного финансирования - у нас было и отечественное финансирование, от Министерства труда, от некоторых региональных правительств, мы выигрывали даже тендеры на разработку каких-то социальных программ, на исследования, но это было очень мало. В основном у нас было западное финансирование, и мы никогда не считали, что это какая-то проблема, мы даже, так сказать, искренне подавали заявки и на гранты Общественной палаты, или какие-то такие новые президентские такие гранты.

Н.Л.: Кому приходилось писать заявки, сами тексты заявок?

Е.Р.: Ну, в основном мы с Павлом, конечно, их писали, но у нас были коллеги, которые... тоже подавали заявки...

Н.Л.: Были коллеги...

Е.Р.: Были, конечно.

Н.Л.: Или был ли вообще в Вашей организации кто-то, кроме, может быть, бухгалтера, кто был на зарплате?

Е.Р.: Значит, на зарплате только если это был проект. Потому что у нас еще был журнал, который финансировался тоже из грантов. Мы стали получать гранты от Фонда Макартуров примерно, значит, с две тысячи, наверное, шестого года именно для – или 2007 г. – для поддержки организации, самого Центра, и там как бы часть была – поддержка журнала. Поэтому, конечно, у нас были редакторы, корректоры, типография, секретарь редакции или зав. редакцией. Это огромная работа. И по Центру – это бухгалтер и такой помощник бухгалтеру, то есть финансовый директор и бухгалтер. Потому что когда шли школы и когда шли меро-...

Н.Л.: Один общий бухгалтер на журнал и организацию?

Е.Р.: Да, да. Ну, то есть по проекту. Когда шли мероприятия, была очень сложная и комплексная отчетность, поскольку каждый билет, каждый вот человек должен быть подсчитан, где-то отчеты, тем более что это не просто – это тройная даже отчетность, потому что отчетность в налоговые органы, так сказать, отчетность в минюст и отчетность перед фондом, которая совсем другая. То есть там специальные таблицы, которые посылаются в Чикаго. Поэтому, конечно, тут очень много было работы именно для административных сотрудников, а на зарплате были люди тогда, когда они выполняли какие-то исследовательские работы, и у нас очень многие участвовали в исследовательских работах. Как правило, это было связано с их диссертациями, это были аспиранты, или это было связано с их темами, которые они развивали. У нас там вся кафедра, так сказать, работала, и еще, поскольку у нас сетевой это был все, у нас еще участвовали люди из других городов. Но зарплаты не были такими, чтобы можно было только заниматься этим. Поэтому каждый раз это были люди, работающие где-то в государственном вузе, например, и здесь небольшая подработка, которая рассматривалась скорее не как подработка, а как творческое какое-то задание, которое небольшие деньги еще приносит и как вот такой вот сюрприз. В принципе люди и так работали бы, и аспирантуру свою бы проходили, и писали бы, но мы еще немного платили за вот такую вот...

Н.Л.: А с международными женскими организациями вам не приходилось работать?

Е.Р.: Не приходилось, нет. Только с исследовательскими. Я знаю, что есть международные женские организации, и специальные гранты дают для женщин, но просто не успевали еще и туда обращаться, потому что у нас был основной грант от Макаруров, нам его успешно продлевали.

Н.Л.: До какого года?

Е.Р.: До... мне кажется, нет, мы завершили, наверное, где-то, может быть, в 2012 году, как раз когда вот этот вот закон об агентах был принят. Поправка. А потом...

Н.Л.: Потом обращались в какие-то российские структуры с целью поддержки? Сейчас же объявляют конкурсы для общественных организаций.

Е.Р.: Да, мы обращались, но мы ни разу не получали, кроме вот тех нескольких случаев, о которых я уже упоминала, да. Ну вот в процессе нашей работы, может, не так давно, может, в 2009 г. там, но мы когда обращались на вот эти гранты Общественной палаты, грант там какой-то был, Стратегического института, мы никогда не получали гранты. И мы подумали, что это, наверное, виной тому вот эта история, наша позиция, наша история, поскольку там одним из пунктов вот этой анкеты было соотношение финансирования, полученного из-за рубежа, с финансированием, полученным в России. И я думаю, что вот это уже как бы закладывало основы для того, чтобы потом вычислить нас и других. И, собственно, что вычислять? Это все прозрачно...

Н.Л.: Следовательно, Вы тогда на вот эти российские, типа Фонда Прохорова... не было, но...

Е.Р.: На Фонд Потанина я уже подавала здесь, когда работала здесь в Вышке, это была поддержка магистратуры, вот мы подавали, получили такой один грант на развитие магистерских... курсов магистратуры. Вот. А тут поскольку Павел... Мы переехали в Москву полностью в 2011 г., а так мы все ездили и ездили. А тут мы уже – все. В Саратове больше с работой было трудно. Но мы продолжали там все время сотрудничать.

Н.Л.: Когда вы перебрались в Москву?

Е.Р.: Ну, мы в общем-то с 2003 г. «вахтовым методом»

Н.Л.: В Москве?

Е.Р.: А с 2008 больше осели, а в 2011 г. мы уже прекратили работать в Саратове. А так мы постоянно ездили туда-сюда. Постоянно ездили. Ухитрились какие-то еще вести небольшие курсы, но в 2011 г. уже и здоровье не позволяло, и, собственно, там же в общем было, ну, возможно и без нас это все проводить и мы...

Н.Л.: Снова осторожный вопрос, по поводу финансирования, потому что многие – допустим, Элла Панфилова, у нее есть фонд «Гражданское достоинство» – обращались ли Вы в такого рода...

Е.Р.: Нет. Не обращались.

Н.Л.: фонд? В российские, но как бы...

Е.Р.: Дружественный. Нет, мы не обращались. То ли этих фондов тогда еще не было, то ли мы уже... у нас был основной грант, а у нас очень маленький коллектив. И на то, что мы делали, нам хватало этих средств. Надо сказать, что все-таки аспиранты уезжали. Окончив аспирантуру они уезжали в Москву. Или уходили с кафедры. Все-таки финансирования не было. В общем-то и не было таких задач – прямо вот задержать кого-то. Некоторых мы задержали, я не знаю, благодарят они теперь нас или нет, что они не ушли в коммерцию, а все-таки продолжали какое-то время еще работать на кафедре, в нашем Центре. Наташа Сорокина, Оля Бендина, Маша Ворона, многие коллеги. Ну, естественно, наши дорогие друзья – там Наташа Ловцова, Галя Карпова – они все всё время работали, продолжали, поддерживали, исследовали, участвовали. Но вот это все подходило уже к своему завершению. И все это совпало с тем, что и Павел плохо себя чувствовал и нам не пришлось долго ездить и часто ездить в Саратов, потому что у него были определенные ограничения. У нас появились еще, ну вот, там Фонд Сороса международный, то есть через Будапешт, Центральный европейский университет – мы получили грант HESP на развитие высшего образования, и здесь мы уже работали и с Саратовом, и немного московских коллег привлекали, и другими вузами и в Петербурге, но в основном вроде как саратовская группа, но с большим таким сетевым взаимодействием. И уже проводили мы школы не только в Саратове, но и в Москве, в Петербурге, и даже в Бишкеке. И поэтому мы, собственно...

Н.Л.: На годовые гранты?

Е.Р.: Годовые? Нет, по-моему, его нам на три года дали, но там с продлением каждый раз.

Н.Л.: В начале вот 2010 годов?

Е.Р.: Да, это вот в начале 2010 годов. Как раз с 2010 г., 2011, 2012, 2013 – как-то вот так. Даже потом дали еще небольшой грант вот для Бишкека, мы еще по проблемам инвалидности сделали с Бишкеком такое мероприятие. И онлайн-курсы. И вот у нас тогда стоял вопрос. Может быть, мы сделали как раз с Павлом ошибку. Нам еще... наш куратор Фонда Макагуров, Галина Владимировна Устинова, говорила: «а может быть, вам передать бразды правления кому-то, кто в Саратове? Ведь Вы же в Москве». И мы как-то вот поленились, оставили это, на самотек пустили. Конечно, мы остались... мы в Москве, там что-то в Саратове, все это вот еще продолжало развиваться, но благодаря тому, что у нас был NEPS, продолжался журнал. Но журнал мы уже в Вышку перевели. И пока в первые годы было маленькое финансирование, мы поддерживали еще из фонда, а потом нам в Вышке дали нормальное финансирование, и мы могли расслабиться.

Н.Л.: Это какие годы, примерно?

Е.Р.: Это где-то тоже с 2011 г., мне кажется, мы журнал в Вышку перевели и, наверное, вот с 2013 г. стали давать гранты на развитие издания. Поэтому это было нормально уже, хватало – маленькое, конечно, но тем не менее, даже хватает на зарубежного корректора и редактора. Вот. Ну, я, конечно, там очень маленькую зарплату получаю, но неважно. То есть все равно, главное, что существует журнал. Развивается.

Н.Л.: Журнал существует, но не существует организации?

Е.Р.: Организации не существует. Ну, она, собственно, уже получается, что эта организация, становилось все меньше сил на нее. Меньше сил. Во-первых, мы с Павлом были в Москве. Мы не приняли это решение передать бразды правления, нам казалось, что это все, на кого мы можем это возложить, это слишком большой груз, большая ноша. Мы чувствовали какую-то гиперопеку, такую же еще осуществляли. Может быть, кто-то и был бы не против. В Саратове, конечно, можно было как-то развернуться, может быть, по-другому. Но этого не получилось.

И, конечно, этот закон об иностранных агентах добил эту организацию. Так бы мы, может быть, продолжали существовать, потому что сейчас есть какие-то новые возможности, ну вот, как ты говоришь, с отечественными фондами. Организация с прекрасной историей, с замечательной публикационной активностью, с замечательной образовательной активностью, друг многих других крупных организаций, и партнер, вот прежде всего, с ЦНСИ питерским Виктора Вранкова, дружили с Ларисой Попковой в...

Н.Л.: В Самаре?

Е.Р.: В Самаре. Подожди, она не Лариса. Лариса?

Н.Л.: Люся.

Е.Р.: Люся. С Люсей Попковой. Мы дружили с самарским Центром гендерных исследований и т.д. Вот. И, конечно, вот Павел ушел. И он тяжело болел, и все это происходило параллельно. То есть он лежал на радиотерапии, а ему присылали какую-то, значит, повестку в суд, то есть в прокуратуру. Он здесь, так сказать, лежал уже. Ему надо было легкие откачивать, и в день, когда он умер, нас включили в Реестр иностранных агентов. То есть это все настолько совпало, это было очень все тяжело. И как вот, как вот развитие этой болезни, так же и наш Центр загибался. И так же все это в общем загнулось, закончилось. И кто-то из журналистов написал 9 июня: «Российский ученый умер после того, как его организацию включили в Реестр иностранных агентов». Это совершенно, конечно, было нелепо. Ну вот, так это все получилось, мы тем не менее продолжали дело к закрытию организации, потому что мы не хотели, чтобы вот она была в Реестре. Я знаю, что сейчас несколько организаций включены в Реестр и продолжают работать и может быть....

Н.Л.: Раз в три месяца отчитываются, чувствуют себя под наблюдением.

Е.Р.: Может быть, это можно еще и осмыслить. Но тогда для нас был один путь – закрываться. Мы так всегда себе говорили: если мы захотим, мы откроемся еще раз. Под другим названием. Ну и вот, благодаря саратовским нашим коллегам, нашему бухгалтеру и другим там коллегам, мы все-таки довели это дело до завершения. И все мы там заплатили, какие-то деньги там, налоги, штрафы, и в декабре 2014 г. мы закрылись. Нас же обвиняли, что у нас сайт есть, а на сайте написано, что мы - Центр социальной политики, да еще и проводим школы, семинары – следовательно, это политика. Политическая деятельность. Так что сайт тоже пришлось закрыть на одном из этапов судебных разбирательств. Ну и в принципе все книги, которые выложены, они все, конечно, сохранились и их можно скачивать. Название написать издания, и все это можно скачать. У нас огромная там библиотека была, прежде всего, наших изданий центровских, мы же издали просто море книг, и какие-то пионерские темы поднимали, не только с гендером связанные, но и с визуальной антропологией, например, и с социальной политикой, с той же. А вот.

Так что все это, я не знаю, после того, как все это закрылось, у меня был такой период, что без Павла как-то, вроде как-то, что вообще собой представляет эта наука? Зачем она вообще? То есть мне показалось, что все. Потому что это была такая часть жизни. Ну, надо жить дальше.⁴

Н.Л.: Спасибо, Елена Ростиславовна, за этот разговор и за то, что поделились всем этим...

---

⁴ Составитель транскрипт добавляет следующий абзац: «А сейчас закрывают и нашу кафедру социальной работы в Саратове. Все это знаменует финал очень важной и красивой эпохи, когда развивались пионерские исследования и специальности, когда росли новые научные направления и формы практик».

Е.Р.: С политикой мы были связаны, конечно, с социальной политикой, и с гендерной политикой в том числе. Меня даже включали в какие-то там рабочие группы при министерстве в Саратове, и мы там гендерную идеологию продвигали. В ответ на твой вопрос по поводу, почему не объединяемся – мне кажется, что у нас сейчас такой этап развития. Ну, во-первых, кто-то объединяется. Была вот эта вот сеть этих гендерных исследователей. Была эта сеть кризисных женских центров. Они между собой иногда пересекались, взаимодействовали, сидели за одним круглым столом. И сейчас есть еще какие-то такие небольшие созвездия, которые объединены и, в частности, твоя организация, твоя Ассоциация, правильно?⁵ Туда люди – благодаря тому, что ты проводишь конференции, едут и знают, и все-таки это некий оплот. Есть... Я хочу сказать, что сейчас те, кто продолжает заниматься гендером, именно в исследовании, в образовании, наверное, ищут все-таки возможность ресурсной какой-то поддержки, в неких тоже форумах, на конференциях, они туда едут и участвуют там. И иногда я каким-то боком тоже туда попадаю, просто в последнее время мало стала ездить, и мало участвовать, но иногда я оказываюсь где-то, на какой-то конференции, меня просто приглашают там – я не знаю – просто потому что я изучаю семью, инвалидов, и в том числе и гендер, и там, оказывается, вот у них идет проект и они изучают, и там есть люди из России.⁶ Мы делали спецвыпуск журнала, «International Social Work», и искали, кто бы написал нам о России, сделали такой «call for papers». И из присланных статей я узнаю, что есть такие проекты международные, с каким-то вузом в Сибири, и с американцами, и они, оказывается, вот это вот исследуют. Да, там насилие в семье, например, и в том числе там есть, конечно, гендерное измерение. И Лена с Аней только что издали новый учебник по гендеру, на него пишут рецензии. То есть где, кем он будет использоваться – тоже интересно, потому что курсы-то такие почти нигде не ведутся. Но то, что деятельность есть и есть некая сетевая канва, то есть где-то в Фейсбуке есть группы, где-то друг друга по-прежнему лайкают, читают и критикуют. Ну вот Оля Здравомыслова, ты, наверное, знаешь, что она «girlhood» продвигает – идею, изучения, конференций, изданий, статей – вернее, спецвыпусков журналов и т.д. Она, в свою очередь, ищет ресурс взаимодействия с канадцами, со шведами, с норвежцами, и делает такую сеть. Но она и здесь пытается найти соратников и объединить их. То есть я думаю, что сейчас идут какие-то такие – прорастают – кто-то еще из прошлого не остыл и пытается новых каких-то людей себе, так сказать, в поддержку найти, кто-то появляется из молодежи. Потому что я вот сейчас смотрю, сейчас и в Вышке – раньше только Лена Мезенцева вела курсы, а сейчас я смотрю, вдруг раз и выступают на каком-то заседании там, в научной лаборатории молодой человек... молодая девушка только что, вот Лена Бердышева защитилась и она выступает с гендерной проблематикой, да? То есть там с маскулинностью, по-моему, у нее была связана тема. То есть в общем есть такие, конечно, действительно ты права – у нас нет

---

⁵ Имеется в виду Российская ассоциация исследователей женской истории.

⁶ Составитель транскрипта здесь добавляет следующее: Не так давно меня Оля Здравомыслова пригласила в сообщество исследователей девичества, туда входят ученые из Канады, Швеции, других стран. Мы с ней подготовили тематический выпуск журнала *Girlhood Studies*, посвященный исследованиям девичества на постсоветском пространстве. Еще мы с Karen Lyons

единства. Потому что... Вот почему? Это вопрос тоже интересный. По ценностным единствам, по сплоченности у нас скорее много разных видов и форм сплоченности, и люди объединяются по разным приоритетам. Нежели они вот как-то между собой все. Я имею в виду даже «гендерщики», если их так можно назвать. Наверное, это такой этап. Надо его пережить. Ну и почему? Малые дела тоже важны. Начать всегда кому-то нужно. А мы присоединимся.

Н.Л.: У меня в заключение последний вопрос. Что для тебя феминизм? Что это за слово? Что оно включает лично для тебя?

Е.Р.: «Феминизм» всегда мы с Пашей... всегда считали себя феминистами, я даже... мне даже было как-то сложно сказать – феминистки, я всегда говорила – феминистские исследователи, потому что я считаю, что среди них могут быть и женщины, и мужчины. Феминизм – это позиция, это научное направление, причем оно – не гомогенное, внутри него есть очень много дискутирующих и конфликтующих между собой позиций, подходов. Но это, наверное, прежде всего, личностная позиция, это позиция, которая для меня связана не только с правами женщин, а вообще с проблемами дискриминации. Иногда вот мы вдруг для себя узнаем, что то, что мы делали и то, как мы говорили, оказывается, кого-то дискриминирует. Вот эта вот саморефлексия и в отношении инвалидов, и в отношении мигрантов, и в отношении различных этничностей...